

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ и требовательный художник

К большому сожалению, в нашей советской прессе еще недостаточно определено то огромное значение, которое имело творчество Л. В. Баратова на определенном отрезке времени в развитии советского искусства и, в частности, оперного театра.

Мне выпало большое счастье работать с Л. В. Баратовым с осени 1946 г. и до недавних гастролей в Италии над всеми его постановками в Большом театре.

В этой небольшой статье я не ставлю перед собой задачи дать исчерпывающий анализ творческой деятельности Л. Баратова — это дело специалистов, знатоков истории и теории театра. Мне хотелось только сказать, что в своей деятельности Л. Баратов творчески развил все лучшие реалистические традиции русского оперного искусства, воспринял их от своих учителей К. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко и предшественников И. Лапичкого, В. Лосского.

Умение правильно «прочитать» произведение композитора, дать выразительно и ярко сценическую жизнь музыкальной драматургии оперы, вскрыть внутреннюю «партитуру» каждого образа и предельно убедительно показать это в таком сложном и условном жанре, как опера, — все это, по-моему, и определило долголетнюю жизнь на сцене спектаклей, поставленных Леонидом Васильевичем Баратовым.

Соприкасаясь с ним почти ежедневно во время постановок, я поражалась тому, каким подготовленным, буквально во всеоружии приступал Л. Баратов к работе над созданием спектакля. Он великолепно знал партитуру оперы, эпоху, время действия, характеры образов, знал задачи каждой репетиции. Он имел свою продуманную и четкую «партитуру» всего процесса работы над спектаклем, начиная с ознакомления всех участников с режиссерской

экспозицией, встреч, бесед с артистами и кончая монтировочными и генеральными.

Л. Баратов работал всегда в тесном творческом содружестве с дирижером и художником постановки, был очень принципиален и требователен ко всему, что касалось создания спектакля. Часто на репетициях он цитировал слова А. С. Пушкина — «Служенье муз не терпит суеты; прекрасное должно быть величаво».

Вместе с А. Пазовским, С. Самосудом, Н. Головановым и Ф. Федоровским Л. Баратов сделал народ главным действующим лицом в «Борисе Годунове» и «Хованщине».

О его работе с артистами можно писать целые трактаты. Он действительно был их подлинным другом и настоящим учителем. Он умел удивительно точно угадывать творческие возможности артиста, подчас даже потенциальные, и развивать их на пользу спектаклю, образу, артисту. Я помню, как он заходил в классы, где певцы разучивали свои партии, и помогал артистам вскрывать смысл образов, намечал характер, подсказывал характерность и т. д.

«Артиста надо все время питать», — любил говорить Л. Баратов. И часто на репетициях совершенно неожиданно давал новые задания артисту, которые будили его творческую фантазию.

Но когда все словесные приемы были испробованы, а артист все-таки не воспринимал предложенный режиссера, Леонид Васильевич выходил на сцену и начинал показывать. Я многие годы знала Л. Баратова, но каждый раз изумлялась его удивительно выразительному показу, мастерству перевоплощения — он буквально на глазах из старой, по-домашнему уютной Мамки преображался в сметливого и бесшабашного Варлаама, и как преображался! Я уверена, что если бы Л. Баратов не стал режиссером, он был бы

выдающимся драматическим артистом.

Леонид Васильевич прекрасно знал и понимал оперу, как жанр.

Л. Баратов был человеком одновременно чутким, душевным, внимательным и очень строгим, взыскательным. Он часто на репетициях обращал внимание на настроение того или иного артиста, считался с человеком и вместе с тем был очень требовательным, и прежде всего к себе самому. Приходя на репетиции, он вносил рабочую, творческую атмосферу, и это заражало всех. Его никогда не покидала творческая увлеченность.

Как и все смертные, я тоже допускала промахи в работе. Леонид Васильевич никогда не повышал голоса, не выходил из себя. Но его взгляд буквально карал. И до сих пор, работая с новыми исполнителями, вводя их в баратовские спектакли, я внутренне как бы контролирую себя требованиями, предъявлявшимися Леонидом Васильевичем.

Он не терпел верхоглядства, легкомыслия, дурного вкуса, пошлости и всегда едко и с присущим ему юмором или тонкой иронией парировал поверхностные, непродуманные высказывания и поступки.

Сам он обладал в искусстве отличным вкусом.

Творчество Леонида Васильевича Баратова — неоценимый вклад в деятельность Большого театра. Спектакли, поставленные им, являются украшением нашей сцены. Они наряду с другими превосходными постановками определяют лицо театра, его творческие принципы. И наша святая обязанность хранить их в том качестве, в каком они были задуманы и осуществлены замечательным мастером Леонидом Васильевичем Баратовым, вся жизнь и деятельность которого — пример беззаветной любви к русскому советскому оперному искусству.

Е. НИКИТИНА,
режиссер.

Сов. артист, 1965, 2 апр.